

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ильин П. В. Новые имена в истории движения декабристов : купец-заговорщик А. П. Сапожников / П. В. Ильин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 388—408. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-388-408.

Ilyin, P. V. (2024). New Figures in History of Decembrist Movement: Merchant-Conspirator A. P. Sapozhnikov. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 388-408. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-388-408. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Новые имена в истории
движения декабристов:
купец-заговорщик
А. П. Сапожников**

Ильин Павел Владимирович
orcid.org/0000-0001-6058-2186
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
pavilyn1970@gmail.com

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

**New Figures in History
of Decembrist Movement:
Merchant-Conspirator
A. P. Sapozhnikov**

Pavel V. Ilyin
orcid.org/0000-0001-6058-2186
PhD in History,
senior research scientist
pavilyn1970@gmail.com

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье речь идет о малоизвестном участнике тайного общества и заговора декабристов в Петербурге купце Александре Петровиче Сапожникове (1788—1827). Актуальность исследования состоит в том, что оно затрагивает важный для историографии вопрос о созревании оппозиционных самодержавию идей в купеческой среде. Новизна работы определяется неизученностью отношений, связывавших А. П. Сапожникова с декабристами. Автор собрал немногочисленные указания источников, раскрывающие обстоятельства вступления в декабристский союз выходца из купеческой семьи, его участие в заговоре 1825 года и «демарше» его родственника Я. И. Ростовцева, связанном с намерениями умеренно настроенных декабристов — добиться ограничения самодержавия невооруженным путем. Свидетельства источников сопоставляются между собой, оценивается степень их авторитетности и достоверности. Проведена интерпретация документальных данных на основе критического анализа полного объема их содержания. Реконструированы причины, в силу которых А. П. Сапожников избежал наказания. Приводятся уникальные сведения о «вольномудстве» семьи Сапожниковых, обусловившем присоединение представителя этого рода к декабристскому движению. Результаты исследования позволяют говорить о появлении единомышленников декабристов в «элитном слое» купечества, с другой стороны, раскрывают усилия участников декабристского союза по распространению своего влияния на купеческое сословие.

Ключевые слова:

декабристы; тайные общества; неизвестные участники; купечество; семья Сапожниковых.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article discusses a lesser-known participant in the secret society and conspiracy of the Decembrists in St. Petersburg, merchant Alexander Petrovich Sapozhnikov (1788—1827). The relevance of this research lies in its engagement with a significant historiographical question regarding the maturation of opposition ideas to autocracy within the merchant class. The novelty of this work is defined by the unexplored relationships that connected A. P. Sapozhnikov with the Decembrists. The author has gathered scarce references from sources that illuminate the circumstances surrounding the entry of a merchant family member into the Decembrist union, his involvement in the conspiracy of 1825, and the “demarche” of his relative, Ya. I. Ros-tovtsev, related to the intentions of moderately inclined Decembrists to achieve limitations on autocracy through non-violent means. The evidence from the sources is compared, and the degree of their authority and reliability is assessed. An interpretation of the documentary data is conducted based on a critical analysis of their comprehensive content. The reasons for A. P. Sapozhnikov’s avoidance of punishment are reconstructed. Unique information is presented regarding the “free-thinking” of the Sapozhnikov family, which influenced this representative’s alignment with the Decembrist movement. The findings suggest the emergence of like-minded individuals among the “elite layer” of merchants, while simultaneously revealing the efforts of Decembrist union members to extend their influence into the merchant class.

Key words:

Decembrists; secret societies; unknown participants; merchant class; Sapozhnikov family.

Новые имена в истории движения декабристов: купец-заговорщик А. П. Сапожников

© Ильин П. В., 2024

1. Введение = Introduction

Движение декабристов, как известно, было дворянским по своему социальному облику. Участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 годов — почти исключительно дворяне, принадлежавшие к разным слоям внутри привилегированного сословия, от древних аристократических фамилий, богатейших помещиков-магнатов до представителей низшего дворянского слоя, не имевших земельных владений, чиновников и офицеров, получивших дворянство в ходе службы. Однако в декабристское движение были вовлечены или ему сочувствовали отдельные представители других сословий, в частности купечества. Имена их почти не известны в исторической традиции. В предлагаемой статье речь идет об одном таком случае участия в заговоре декабристов представителя той части купечества, которая в первые десятилетия XIX века по укладу жизни, образованию и мировоззрению примыкала к просвещенным и прогрессивно настроенным дворянским кругам.¹

Цель настоящей работы — прояснить характер отношений, связывавших купца А. П. Сапожникова с декабристским обществом, установить степень его участия в заговоре декабристов 1825 года, для чего было необходимо решить следующие задачи: собрать воедино имеющиеся указания по этому вопросу, сопоставить и проанализировать их, провести интерпретацию полученных данных в их полном объеме, наконец, обратиться к поиску и изучению свидетельств, которые могли бы пролить свет на политические взгляды представителей образованного и просвещенного купеческого «слоя», в том числе семьи Сапожниковых.

Следует отметить, что специальных работ, освещающих вопрос об участии представителей купеческого сословия в тайном обществе декабристов в канун событий 14 декабря 1825 года, помимо наших публикаций, не имеется; ниже будет сказано об исследованиях, авторы которых за-

1 См. подробнее о распространении либеральных идей в купеческом сословии и близости прогрессивно мыслящих купцов к декабристам [Семенова, 1991, с. 183—203].

трагивали сюжет о связях купца Сапожникова с декабристским заговором, не углубляясь в анализ имеющихся документальных указаний.

Актуальность исследования определяется важностью рассмотрения процесса созревания оппозиционных самодержавию настроений в купеческой среде в первую половину XIX века, а изучение мало освещенной фигуры из числа участников декабристского общества имеет значительную степень новизны. Настоящая статья продолжает цикл наших исследований, затрагивающих проблему неизученных и «незамеченных» участников декабристского движения, которые традиционно оцениваются как лица, причастные к нему, но не состоявшие в тайных обществах [Ильин, 2004; Ильин, 2008]. В статье детально рассматривается «случай» Сапожникова, по сравнению с предыдущими нашими публикациями привлечены новые источники, проведены критический анализ и сопоставление собранных документальных материалов, по их результатам осуществлена реконструкция отношений, связывавших купца с декабристской конспирацией.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

При ограниченном круге документальных данных, которые, в силу особенностей избранной темы, содержатся в основном в следственных материалах (показания, записи допросов) и мемуарах, автор избрал традиционную для декабристоведения методику сопоставительного анализа свидетельств этих источников. Ввиду уникальности случая «непроясненного участия» А. П. Сапожникова в заговоре декабристов использован углубленный критический анализ первоисточников, учитывающий каждое свидетельство в полном его объеме. Речь идет не об отборе той или иной фразы или отдельного указания, извлеченных из источника и подтверждающих ту или иную точку зрения, а об объективном и непредвзятом рассмотрении содержания каждого сохранившегося документального свидетельства в полном его составе. Особую роль играл критический подход к содержанию следственных показаний, учет условий их происхождения. В тех случаях, когда это необходимо, применялась интерпретация данных на основе рассмотрения всего объема собранных сведений, а не ограниченной их части, как нередко было принято в научной литературе. Для характеристики мировоззрения семьи Сапожниковых впервые привлечены материалы русской неподцензурной печати 1860-х годов.

В историографии данный сюжет специально не рассматривался — в частности, он не затронут в трудах по истории петербургского заговора и восстания декабристов [Пресняков, 1926; Нечкина, 1985]. Если купец Сапожников и упоминался, то лишь как лицо, имевшее связи с декабристами и потому разделявшее антисамодержавные взгляды [Дружинин, 1985,

с. 35]. Первоначальные оценки причастности Сапожникова к декабристскому обществу содержат труды Я. А. Гордина, А. А. Брегман, В. П. Шахерова, А. П. Банникова и А. С. Маркова [Гордин, 1989; Брегман, 1989; Шахеров, 1992; Банников, 1994; Марков, 1986; Марков, 2007]. Эти авторы в подавляющем большинстве случаев обходят стороной вопрос о принадлежности купца к тайному обществу, либо отвечают на него отрицательно, сообщая лишь о его дружеских отношениях с некоторыми декабристами. Объективному изучению вопроса об участии Сапожникова в тайном обществе препятствовали связи купца (в том числе родственные) с Я. И. Ростовцевым, традиционно считающимся доносчиком на декабристов. Вместе с тем следует выделить работы Я. А. Гордина и В. П. Шахерова, впервые поставивших вопрос об участии Сапожникова в декабристском заговоре и полностью пересмотревших традиционный взгляд на «акцию» Ростовцева. Сводка данных о купеческих фамилиях, близких к декабристам, и политических настроениях, распространенных в этой среде, содержится в статье А. В. Семеновой [Семенова, 1991, с. 188—201].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Биографические сведения и черты личности А. П. Сапожникова

Живший в Петербурге купец Александр Петрович Сапожников (1788—1827) происходил из недавно образовавшегося богатого купеческого рода, предки которого были крестьянами. Его дед по отцовской линии, Семен Ефимович (около 1720—1774), крестьянин-старообрядец Саратовской губернии, принял участие в повстанческом движении Е. И. Пугачева в будущем г. Вольске (тогда С. Малыковка) и был казнен по распоряжению начальника экспедиционного отряда Г. Р. Державина.¹ Сын казненного, Петр Семенович (1762—1828), основатель купеческой династии, служил мелким канцеляристом, затем числился астраханским купцом 3-й гильдии (1784), стал совладельцем рыбных и соляных промыслов богатого астраханского купца В. А. Злобина, затем владельцем рыбных промыслов на Каспийском море и, скупив земли в приволжских губерниях, крупным землевладельцем, перешел в 1-ю гильдию, поступил на государственную службу, заведая питейными сборами в Астраханской губернии [Марков, 2007, с. 13—23, 27—32, 39—50, 125].

1 Среди осужденных по делу о бунте Е. И. Пугачева имя Сапожникова не обнаруживается, но в ходе военных действий против различных отрядов повстанцев были казнены сотни их участников [Овчинников, 1995, с. 27—29]. Сведения о казни Сапожникова содержатся в записках Г. Р. Державина и его биографии, приложенной к собранию сочинений [Грот, 1997, с. 124].

Александр Петрович, второй сын Петра Семеновича, также стал предпринимателем, владел кожевенными, мукомольными и мыловаренными фабриками, хлеботорговыми организациями, золотыми приисками. Основной сферой деятельности Сапожниковых оставались рыбные и соляные промыслы в Каспийском море и низовьях Волги [Марков, 2007, с. 19, 29, 42]. Переселившись в 1820-е годы в Петербург, Александр Петрович именовался астраханским купцом 1-й гильдии. Как и отец, он уделял часть времени службе, занимая должность директора Петербургского коммерческого банка [Марков, 2007, с. 73, 164]. Процветание фирмы и накопленное состояние обеспечили ему высокое положение в столичных купеческо-промышленных кругах и соответствующий образ жизни. А. П. Сапожников выдвинулся в число общественных деятелей, приобрел известность благодаря культурной и собирательской деятельности — как библиофил, собравший обширную библиотеку¹, и коллекционер, владелец картинной галереи (в том числе известной картины «Мадонна с цветком» Леонардо да Винчи). Просвещенность второго поколения купцов Сапожниковых, с одной стороны, приближала их к образу жизни дворянского образованного слоя, с другой — влекла за собой увлеченность политическими идеями, которые распространялись в прогрессивно мыслящей части дворянского класса в первые десятилетия XIX века.

3.2. Следственные показания об участии А. П. Сапожникова в заговоре декабристов и их критический анализ

На каком основании можно говорить о принадлежности А. П. Сапожникова к тайному обществу и заговору декабристов? Сведения о его причастности к Северному обществу обнаруживаются в следственном деле В. И. Штейнгейля.

Декабрист Штейнгейль, связанный с купеческой средой Петербурга и Москвы, получил от следствия вопрос о предполагаемом поступлении в тайный союз «некоторых [лиц] из здешнего купечества», на что, по собранным показаниям, рассчитывал один из руководителей Северного общества К. Ф. Рылеев, «с тою целью, чтобы иметь членов и в этом словесии». Штейнгейль отвечал, что в начале декабря 1825 года Рылеев передал ему просьбу другого участника тайного общества Я. И. Ростовцева о принятии купца Сапожникова. Далее Штейнгейль показал: «Дня через два или три Ростовцев и сам мне то же подтвердил, примолвля: “Я бы и сам принял, но мне неловко, пожалуйста, примите”. Тому и другому я отвечал нерешительно “Посмотрю”. Поводом к тому, что они ко мне в сем случае

1 В библиотеке имелись труды по русской и всеобщей истории (Н. М. Карамзина, С. Н. Глинки), произведения русской и французской литературы, периодические издания на русском, французском, немецком, английском языках [Марков, 2007, с. 261—266].

адресовались, было то, что известна была дружеская связь моя с Сапожниковым, а Ростовцев притом знал, что он, по делам своим терпя многие притеснения и потери от покойного министра финансов (Д. А. Гурьева. — *П. И.*), часто в семейственном кругу, не обинуясь¹, жаловался на порядок вещей; да и вообще *человек с очищенными понятиями*» (курсив наш. — *П. И.*) [ВД, 1976, с. 165, 167]. Штейнгейль отрицал свое участие в приеме купца: «За всем тем я и Сапожникова не принял, во-первых, потому что не надеялся, чтобы он при обширных и трудных делах своих решился войти в дело толь щекотливое, а во-вторых, мне не хотелось кому бы то ни было объявлять о принадлежности своей к обществу, ибо я очень то чувствовал, что если бы сказал кому-нибудь, то с той минуты спокойствие мое начало бы зависеть от того лица» [Там же].

Как видно из свидетельства, руководство Северного общества в лице К. Ф. Рылеева было заинтересовано в принятии Сапожникова. Но, согласно показаниям Штейнгейля, сам он в декабристский союз купца не принимал. Вероятно, Ростовцеву было «неловко» сделать предложение Сапожникову из-за родственных отношений: купец был женат на сестре Ростовцева Пелагее Ивановне (1799—1868); семья Ростовцевых также происходила из купцов [Алексеев, 2001а, с. 5, 9; Алексеев, 2001б, с. 5—7]. Обратим внимание на ёмкую характеристику взглядов и личности Сапожникова («человек с очищенными понятиями»), которая означала принадлежность к кругу прогрессивно мыслящих людей, близких по убеждениям участникам декабристского движения. Нельзя пройти мимо свидетельства о жалобах на «порядок вещей», которые высказывал Сапожников из-за того, что терпел «притеснения и потери» от министра финансов и, как можно полагать, правительственных мер в области торговли и промышленности. И то, и другое могло служить веским основанием для того, чтобы декабристы видели в Сапожникове единомышленника, способного присоединиться к тайному союзу. Судя по всему, в этом заключается ответ на вопрос, почему руководители Северного общества, желая пополнить ряды его участников представителями купечества, обратили свой взгляд на Сапожникова.

На допросе в Зимнем дворце, который вел генерал-адъютант В. В. Левашев, Штейнгейль, отвечая на вопрос, кого он принял в тайное общество, решил признаться в том, что получил просьбу о приеме Сапожникова, но никак на нее не откликнулся: «Никого; просил было меня Ростовцев принять своего зятя купца Сапожникова, но я не принял». Примечателен ответ генерала Левашева, который заметил: «Не приняли, так нечего и упоминать» [ВД, 1976, с. 167]. Реплика Левашева, одного из главных деятелей

1 Откровенно, прямо, не прибегая к намёкам (устар.).

следствия, по нашему мнению, обусловлена тем, что в качестве члена тайного общества в этом показании фигурировало имя Ростовцева. Согласно официальной версии, этот офицер в канун 14 декабря оказал услугу новому императору, предупредив его о готовящемся восстании [ВД, 1976, с. 180; Донесение ..., 1980, с. 52; Алфавит ..., 1988, с. 313; Ильин, 2008, с. 157—166]. По этой причине, как можно полагать, обстоятельства, связанные с Ростовцевым, в том числе вопрос об участии в заговоре его родственника Сапожникова, не стали предметом внимания следствия.

Несмотря на уверения Штейнгейля в том, что сам он Сапожникова не принимал, родившиеся, правда, в условиях следствия, за скобками остается вопрос: в связи с установленным в ходе следствия намерением лидеров Северного общества принять купца в тайное общество прозвучало ли такое предложение со стороны кого-либо из членов декабристского союза?

Биограф Штейнгейля В. П. Шахеров считает необходимым отнестись критически к показаниям этого декабриста, особенно в вопросе о контактах заговорщиков в купеческой среде: «На следствии Штейнгейль не раз подчеркивал, что не принял в тайное общество ни одного купца. В какой-то мере это объяснялось избранной им тактикой — принижением своей роли в обществе. Сыграло роль и желание вывести своих единомышленников-купцов из поля зрения Следственной комиссии. Надо заметить, что следствие не проявило особого интереса к этому сюжету и удовлетворилось ответами Штейнгейля. Однако даже если он... не привлек к обществу никого из представителей российской буржуазии, сам характер его отношений со многими из них позволяет утверждать, что их связывали не только коммерческие интересы, но и общие размышления о судьбе страны и желания политических перемен». Историк подчеркивает: «И все же, по крайней мере, один представитель купечества был посвящен в планы декабристов. Речь идет о А. П. Сапожникове, в дружеских отношениях с которым находились Штейнгейль и Батеньков, а в родственных — Я. И. Ростовцев» [Шахеров, 1992, с. 33].

Действительно, по свидетельству Штейнгейля, Сапожникова всё же известили о существовании конспиративного союза и намерениях его участников. Как следует из воспоминаний Штейнгейля, начиная с вечера 14 декабря 1825 года мемуарист несколько раз навещал пострадавшего от рук восставших солдат на Сенатской площади Ростовцева [Штейнгейль, 1985, с. 152]. На следствии же Штейнгейль показал, что при первой такой встрече узнал от самого Ростовцева, что незадолго до выступления 14 декабря тот открыл существование тайного общества своему родственнику Сапожникову, познакомив его с планами декабристского союза: «После 14 декабря, при первом посещении Ростовцева, он мне рассказал, что написал к государю письмо по совету своего зятя [Сапожникова], которому

тогда только (то есть не позднее 11 декабря. — П. И.) *открыл об обществе и его намерениях*» (курсив наш. — П. И.) [ВД, 1976, с. 167].

3.3. А. П. Сапожников и акция Я. И. Ростовцева 12 декабря 1825 года

Итак, согласно переданному в показаниях Штейнгейля рассказу Ростовцева выясняется, что последний посвятил своего родственника в тайну заговора и намерения его участников. Более того, 12 декабря по совету Сапожникова Ростовцев отправился в Зимний дворец со своим обращением к будущему императору (устным и в виде письма), раскрывавшим вероятное существование обширного заговора против великого князя как претендента на престол. Это свидетельство следует признать безусловно авторитетным: Штейнгейль, давний знакомый и друг как Сапожникова, так и Ростовцева, узнал об этом из первых уст.

Как отреагировало следствие на свидетельства о Сапожникове, которые прозвучали в ходе допросов и в показаниях Штейнгейля? В оригинале показаний фамилия купца подчеркнута карандашом, очевидно, чиновником аппарата следствия. По заведенному порядку, это означало привлечение внимания руководителей дознания к сообщаемой информации. Но дальнейшего хода эти показания не имели [ВД, 1986, с. 189].

Почему Сапожникова после полученных от Штейнгейля данных не привлекли к следствию? Сведения о том, что Сапожников знал о тайном обществе, его целях и планах, не вызвали никаких следственных действий, видимо, по уже упомянутой причине: на расследование обстоятельств, связанных с Ростовцевым, был получен негласный запрет. Он исходил, несомненно, от курировавшего следствие Николая I.

Свидетельство Штейнгейля имеет ключевое значение в контексте рассматриваемого вопроса. Выясняется, что купец получил представление о планах декабристского общества на 14 декабря 1825 года. В частности, ему, как можно полагать, стали известны главная цель тайного союза (введение представительного правления) и намерения руководителей заговора в случае новой присяги (подготовка выступления гвардейских частей). Обращает на себя внимание тот факт, что Сапожников узнал о тайном обществе и его планах одновременно с «демаршем» Ростовцева и, как следует из приведенного свидетельства, участвовал в его подготовке. Сапожников оказывается непосредственно связанным с «акцией» Ростовцева 12 декабря 1825 года.

По результатам анализа имеющихся источников исследователи приходят к выводу о том, что действия Ростовцева в канун выступления 14 декабря являлись актом воздействия на кандидата в императоры, для того чтобы отклонить его от немедленного воцарения [Гордин, 1989, с. 140, 148—160; Ильин, 2008, с. 167—195, 251—260]. Письмо, которое Ростов-

цев передал великому князю Николаю, было попыткой шантажа наследника престола угрозами влиятельного заговора, таящегося в «высшем кругу» управления и генералитете, масштабной междоусобицы и последующего распада страны.¹ Такой способ «мирного давления» на великого князя с целью заставить его отложить решение стать императором или вовсе отказаться от него, отвечал тактическим представлениям умеренной части заговорщиков, желавшей избежать военного противостояния. Однако акция не удалась: Николай на угрозы не поддался [Ильин, 2008, с. 195—197].²

Итак, Сапожников оказывается непосредственно вовлеченным в один из самых загадочных эпизодов междоусобицы 1825 года, оставивший противоречивый след в историографии («поступок» Ростовцева долгое время трактовался как донос на декабристов). Это привело к тому, что историки пытались совместить различные, порой противоположные оценки. Так, А. П. Банников полагал, что Сапожников сочувствовал декабристам, разделял их взгляды, выражал недовольство ситуацией в сфере торгово-промышленной деятельности, но вместе с тем дал совет Ростовцеву «раскрыть заговор» Николаю I [Банников, 1994, с. 16]. Однако противоречия здесь кажущиеся: они основаны на традиционном восприятии «демарша» Ростовцева как доноса. Если же считать письмо Ростовцева средством давления на великого князя, задуманным с той же целью, с какой было предпринято восстание 14 декабря (отстранение от власти претендента на престол), то Сапожников оказывается единомышленником декабристов, действующим по согласованию с ними [Ильин, 2008, с. 195].

3.4. Реконструкция участия А. П. Сапожникова в декабристском обществе

Однако приведенные документальные данные не дают ответа на вопрос: был ли принят Сапожников в Северное общество? Есть лишь свидетельство о том, что Ростовцев «открыл» родственнику об обществе и его намерениях. Что оно означает: принял ли Ростовцев купца в конспиративный союз или только сообщил ему, что союз существует? В условиях дефицита источниковых данных исследователь вынужден ограничиться интерпретацией имеющихся свидетельств.

- 1 См. анализ письма Ростовцева от 12 декабря 1825 года [Гордин, 1989, с. 153—157]. История создания письма, появления двух его редакций разобрана в нашей работе [Ильин, 2008, с. 105—126], здесь же — анализ различий между редакциями.
- 2 См. наблюдения В. П. Шахерова, развивающие выводы исследователей (Я. А. Гордина и др.), критически изучавших источники, относящиеся к «демаршу» Ростовцева: «Донос Ростовцева — последняя попытка представителей умеренного крыла Северного общества как-то воздействовать на Николая I, заставить его, пугая призраком гражданской войны, отказаться от престола и тем самым предотвратить кровопролитие и другие крайности. Одновременно они пытались повлиять и на наиболее радикальную часть декабристов» [Шахеров, 1992, с. 34].

Согласно встречающемуся в литературе мнению, Ростовцев не состоял в тайном обществе, а только узнал о планах его участников [Марков, 1986, с. 4]. В основе этого мнения лежит версия самого Ростовцева, которая опровергается показаниями декабристов на следствии, утверждавших, что Ростовцев состоял членом Северного общества.¹ Некритическое воспроизведение версии Ростовцева до сих пор имеет место в научной литературе. Если опираться на эту версию, Сапожников не мог быть участником декабристской организации, потому что его принял Ростовцев. Так, А. П. Банников, знакомый с показаниями Штейнгейля, тем не менее утверждает: «Несмотря на сочувствие, тесные связи с декабристами, сам Александр Петрович членом тайного общества не был» [Банников, 2004, с. 514]. С таким категоричным выводом согласиться нельзя, поскольку он не учитывает документальные данные в полном объеме и основан на их одностороннем толковании.

Представляется, что есть основания утверждать: речь идет о приеме в члены декабристского союза, а не простом уведомлении о его существовании [Ильин, 2004, с. 522—525]. В своих показаниях Штейнгейль утверждал, что ему было дано поручение присоединить к тайному обществу лиц купеческого звания. Очевидно, в числе первых кандидатов был Сапожников — во всяком случае, его принятие считали желательным. В основе этого намерения лежали расчеты лидеров заговора — распространить влияние декабристов в петербургском купечестве. Член Северного общества Ростовцев, которому Сапожников приходился зятем, просил Штейнгейля принять родственника; Штейнгейль, по-видимому, не выполнил этой просьбы, но вскоре, непосредственно перед 12 декабря, Ростовцев, ранее настаивавший, чтобы Сапожников стал членом общества, известил купца о существовании заговора и его целях. Думается, что человек, который сначала хотел видеть своего родственника в числе товарищей по тайному союзу, к которому сам недавно присоединился, а затем лично сообщил ему о существовании и целях декабристской конспирации, должен был принять в ее состав Сапожникова.

Вывод о полноценном вступлении Сапожникова в ряды заговорщиков подкрепляется тем, что Ростовцев обсуждал с ним такой политически острый и сокровенный вопрос, как замысел визита в Зимний дворец. Стоит уделить внимание сообщению Штейнгейля о том, что, по признанию самого Ростовцева, письмо к великому князю было написано именно по совету Сапожникова. Но это еще не всё. В своих записках Ростовцев отражает следующие обстоятельства: во-первых, утверждает, что готовился

1 Свидетельства о вступлении Ростовцева в Северное общество собраны и проанализированы нами [Ильин, 2008, с. 40—54].

к своей «акции» заранее и «доверился только зятю» (Сапожникову), письмо к великому князю писал в кабинете Сапожникова (очевидно, при его участии); во-вторых, сообщает, что, отправляясь в Зимний дворец, «простился, может быть, навсегда» с Сапожниковым — другими словами, купец был тем человеком, с которым обсуждалась «акция» и ее возможные последствия; в-третьих, открывает: в тот день купец — «один, которому доверил я тайну мою, с нетерпением ждал моего возвращения. И, равно как и я сам, сомневался в оном. Он обнял меня, как бы возвратившегося с кровопролитной битвы» [Ростовцев, 1873, с. 472]. Очевидно, Сапожников не только обсуждал замысел «демарша» Ростовцева, но и принял прямое участие в составлении письма к великому князю, постоянно находясь рядом с Ростовцевым. Купец-заговорщик выступил как главный советник Ростовцева в задуманном политическом акте, являясь фактически его организатором [Ильин, 2008, с. 193—195]. Сапожников не мог играть столь значимую роль, если бы не был посвящен в цели и конкретные планы заговора, составленного участниками Северного общества.

В любом случае, судя по сведениям, сообщенным Штейнгейлем, нужно зафиксировать установленный факт: не позднее 11 декабря купец был посвящен в тайну существования декабристского союза и, очевидно, согласился принять участие в его деятельности, разделяя цели заговорщиков. Даже если считать, что Ростовцев формально не принял Сапожникова в тайное общество, то, уведомив о его существовании и целях, он уравнил степень осведомленности купца с тем, что знали многие «полноценные» участники декабристской конспирации (по объему сведений, которые были им объявлены).

В воспоминаниях, посвященных событиям 1825 года, Штейнгейль оставил еще одно свидетельство о Сапожникове. В контексте разобранных нами данных оно приобретает особое значение. Согласно мемуарам Штейнгейля, вечером накануне 14 декабря в доме Сапожникова собрался узкий круг лиц (среди них был мемуарист, который выступает как «самовидец»): «Был поздний ужин у богатого купца Сапожникова, зятя Ростовцева. Хозяин, угощая шампанским, не обинуясь, говорил: “Выпьем! Неизвестно, будем ли завтра живы!”». Мемуарист заключает: «Так были уже уверены, что не обойдется без восстания» [Штейнгейль, 1985, с. 154—155]. На этом вечере присутствовал другой заговорщик Г. С. Батеньков¹, показавший на

1 Г. С. Батеньков в своих показаниях сообщал о недовольстве правительственной политикой в купеческой среде (упомянув А. П. Сапожникова): в дни междуправствия «чаще всего бывал <...> я в домах купеческих, и поелику сей класс вообще недоволен стеснительными для торговли постановлениями, то обращение с ним подстрекало желание перемен» [ВД, 1976, с. 54, 102—103].

следствии: «В 7-м часу вечера 13 декабря я был у купца Сапожникова...» [ВД, 1976, с. 54, 102—103]. В устах человека, посвященного в существование тайного союза и его планы на 14 декабря, недавно обсуждавшего замысел, связанный с попыткой давления на великого князя, эти слова звучат не как признак страха «обывателя» перед предстоящими политическими событиями. Их можно расценить как свидетельство о том, что купец понимал опасность, грозившую заговорщикам, присутствовавшим на «ужине», к которым Сапожников причислял и себя.

То, что Сапожников не отделял себя от участников тайных обществ, показывают его длительные дружеские связи с Батеньковым и Штейнгейлем. Купец постоянно встречался не только со своим родственником Ростовцевым¹, но и с другими заговорщиками-декабристами. Исследователи располагают данными, подтверждающими многолетние связи Сапожникова со Штейнгейлем, который в начале 1820-х годов некоторое время даже вел его коммерческие дела². Активно вращался в купеческой среде Петербурга и Г. С. Батеньков, встречавшийся с Сапожниковым на воскресных «семейных» собраниях в доме петербургского головы купца И. В. Кусова [Брегман, 1989, с. 46; Батеньков, 2015, с. 426]. Вследствие частых посещений Батеньковым квартиры Сапожникова (осенью 1825 года и накануне выступления 14 декабря) у историков возникло предположение о связи «акции» Ростовцева с планами этого декабриста, который на совещаниях членов тайного общества предлагал «бескровные варианты достижения желаемых перемен»; речь шла о «запуговивании претендента на престол сообщением о масштабном заговоре и возможном антиправительственном выступлении», в результате чего великий князь Николай вынужден будет согласиться ввести конституцию [Брегман, 1989, с. 60—61]. Таким образом, Сапожников (наряду с Ростовцевым) оказывается связанным с идеями и намерениями умеренного крыла декабристов (Батеньков, Штейнгейль и др.).

Дружеские отношения с обоими указанными деятелями декабристского заговора сохранялись до конца 1825 года, на них никак не повлиял «демарш» Ростовцева (традиционно считавшийся «доносом»): «Ни Штейнгейль, ни Батеньков не прервали свои отношения с Ростовцевым и Сапожниковым после доноса, продолжали встречаться и обсуждать вопросы, связанные с предстоящим выступлением. Вечером, накануне восстания, они собрались в доме Сапожникова на ужин, который по сути дела

1 Не будем забывать, что Ростовцев, как родственник, постоянно посещал дом купца, в котором одно время проживала мать Ростовцева (теща А. П. Сапожникова).

2 Летом 1821 года Штейнгейль «уехал в Астрахань по приглашению губернатора В. С. Попова в качестве его личного секретаря. Есть свидетельство, что одновременно он взялся вести дела купца А. П. Сапожникова, владевшего богатейшими рыбными промыслами на Каспии» [Зейфман, 1985, с. 17]. Историк опирается на публикацию [Зиновьев, 1862, с. 4].

стал прощальным» [Шахеров, 1992, с. 34]. Неслучайным представляется еще один зафиксированный в показаниях Штейнгейля факт: в день восстания 14 декабря он долгое время находился в доме Сапожниковых [ВД, 1976, с. 152]. Очевидно, связь купца с тайным обществом продолжалась до последнего дня существования союза.

3.5. «Вольнодумство» и оппозиционные настроения купцов Сапожниковых в отражении эмигрантской неподцензурной печати

К сожалению, Сапожников не оставил собственных описаний событий 1825 года. К следствию он не привлекался, а значит, не осталось ни показаний, ни других свидетельств, касающихся его участия в тайном союзе. Писем, дневников, воспоминаний он тоже не оставил. Жизнь его оказалась короткой: купец заболел и умер в 1827 году (похоронен в Петербурге на Волковском кладбище) [Марков, 2007, с. 42, 73, 86; Банников, 2004, с. 510—523]. После его смерти владельцем купеческого дела Сапожниковых остался старший брат Алексей Петрович (1786—1852) [Марков, 2007, с. 90]. Сыновья Александра Петровича, Александр и Алексей, по достижении совершеннолетия возглавили отдельные части семейного дела, а в 1850-е годы встали во главе его [Марков, 2007, с. 164—165].

О настроениях в семье Сапожниковых, оппозиционных самодержавию и социальным устоям русского общества того времени, сохранились уникальные свидетельства, практически неизвестные в исторической литературе. Критический взгляд членов семейства Сапожниковых на основы сословного строя, на правительственную политику в экономической области и в сфере вероисповедания подтверждается указаниями, опубликованными на страницах русской неподцензурной печати в начале 1860-х годов.

В 1862 году в эмигрантском либерально-оппозиционном издании «Правдолюбивый», руководство которым незадолго до этого находилось в руках П. В. Долгорукова, появилась статья под заглавием «Письмо из Петербурга», посвященная Я. И. Ростовцеву и его окружению¹. Статья написана анонимным «петербургским корреспондентом». В ней сообщались сведения о связях Ростовцева с купеческими семействами, в первую очередь Сапожниковых. На первое место автор помещает одного из видных представителей рода, Алексея Петровича. Речь идет о старшем брате Александра Петровича, возглавившем купеческую фирму после ухода из жизни отца, Петра Семеновича. На момент публикации Алексея Петровича уже десять лет не было в живых, поэтому появление в неподцензурной печати политических опасностей для главы купеческой фирмы данных уже не грозило ему преследованием со стороны полицейских органов.

1 Благодарим д.и.н. Л. Ю. Гусмана за указание на публикацию и полезные советы, связанные с анализом этого материала.

Анонимный автор сообщал: «Яков Иванович [Ростовцев] был в свойстве с многими купеческими домами, между прочими, с известным Алексеем Петровичем Сапожниковым. Алексей Петрович был тип умного среднего сословия России и мог служить доказательством, что Россия, если только захочет, всегда найдет людей, могущих быть достойными ее представителями в палатах при конституционном правлении <...> Он не получил никакого научного образования, но один из умнейших и даровитейших людей в России говорил про него, что он — “алмаз в коре”, это название как нельзя лучше идет к этому “русскому купцу”, как Алексей Петрович любил себя называть. Его отношения к Якову Ивановичу, который даже приезжал в дальний Вольск, Саратовской губернии, где Алексей Петрович проводил последние годы жизни, были самые короткие» [Петербургский корреспондент ..., 1862, с. 53]. Это сообщение отражает многолетние связи Ростовцева с братьями Сапожниковыми, несомненно, носившие откровенно-дружеский характер, включавшие в себя политический элемент. Приводимые данные свидетельствуют о высокой степени образованности и просвещенности членов семейства Сапожниковых, их большой общественной роли как выразителей взглядов прогрессивно мыслящей части купечества.

Автор раскрывает глубинные основы оппозиционных взглядов Сапожниковых, которых придерживался не только Алексей Петрович, но и младший брат Александр Петрович. Эти взгляды коренились в принадлежности семьи к многочисленному слою старообрядческого купечества: «Алексей Петрович был раскольник, но его принудили принять единоверие — и, вследствие этого, он, как все значительные купцы, всё среднее сословие, принадлежал к оппозиции правительству — оппозиции сильной, которой существования не подозревают петербургские магнаты, но которая, тем не менее, пустила глубокие корни в народной жизни России» [Петербургский корреспондент ..., 1862, с. 53]¹. О распространении в среде преследуемого и ограничиваемого в правах старообрядческого купечества оппозиционных взглядов по отношению к социальному устройству и правительственной вероисповедной политике собран значительный материал; это относится и к астраханским купцам-старообрядцам [Соколов, 1888; Кузнецов, 2007; Канатьева, 2013].

Далее автор утверждал, что Сапожников делился с Ростовцевым своими политическими взглядами, существенным элементом которых было неприятие деспотической власти, социальной несправедливости, преследований за веру, и влиял в этом смысле на устроения его сыновей: «От него Яков Иванович часто слышал жалобы на существующий порядок <...> от него же и молодые Ростовцевы (сыновья Я. И. Ростовцева Михаил

1 См. о принадлежности Сапожниковых к старообрядчеству [Канатьева, 2007, с. 95—98].

и Николай. — П. И.), привыкшие читать Алексея Петровича как умного человека, вероятно, слышали слова укора угнетению, грабительству, веропреследованию» [Петербургский корреспондент ..., 1862, с. 53].

Поскольку автор статьи в «Правдолюбовом» остался анонимным и до сих пор не идентифицирован, мы не можем сказать ничего определенного о степени авторитетности его данных, проверить их. Скрывшийся за именованием «петербургский корреспондент», скорее всего, опирался на сведения из столичных кругов, связанных с Ростовцевым и семьей Сапожниковых. Затруднительно полагать, что отраженные в статье сведения, относящиеся к Алексею Петровичу, можно отнести в равной степени к рано умершему Александру Петровичу. Тем не менее характеристика взглядов одного из братьев обращает на себя внимание. Она раскрывает глубокие основы оппозиционных настроений, таившихся в кругах просвещенного купечества, в частности, в семье Сапожниковых. В основе этих настроений лежала как приверженность к преследуемому старообрядчеству, так и недовольство условиями торгово-промышленной деятельности, «грабительством» и «угнетением» купечества со стороны бюрократии. Определенную роль играли запреты и ограничения, наложенные на хозяйственную деятельность купцов самодержавной властью, — препятствия, которые ставились даже перед высшим слоем купечества на пути к расширению его политических и экономических прав¹. Это влекло за собой мысли об ограничении самодержавия. Н. М. Дружинин, говоря о низком уровне политического развития купечества, всё же приходил к заключению: «Только единичные представители столичной буржуазии, вроде богатых купцов Селивановского и Сапожникова, склонялись к конституционным выводам из своих экономических построений» [Дружинин, 1985, с. 35]. Основанием для вывода послужила близость этих купцов к декабристскому заговору.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, следует заключить, что немногие имеющиеся у нас документальные данные подтверждают участие Сапожникова в заговоре декабристов, его принадлежность к тайному обществу накануне 14 декабря

1 В 1834 году в отношении Сапожниковых была вынесена резолюция Николая I, лишавшая их возможности приобретения дворянского права владения деревнями (крепостными). В ответ на ходатайство А. Х. Бенкендорфа от 12 декабря 1834 года, в котором содержалась просьба пожаловать это право «коммерции советнику Алексею Сапожникову и детям умершего его брата, личного дворянина и кавалера Александра Сапожникова», в благодарность за что Сапожниковы готовы были жертвовать в пользу Коммерческого училища 200.000 рублей, император наложил резолюцию: «Дворянское право не покупается, и впредь не смеет входить ко мне с подобными представлениями» [Столетие Военного министерства ..., 1908, с. 454].

1825 года. Прогрессивно мыслящий купец, по формулировке декабристов, «с очищенными понятиями», критически настроенный к правительственной политике в сфере промышленно-торговой деятельности и самодержавию в целом, Сапожников был в числе тех, кого лидеры Северного общества хотели видеть в его рядах с целью создания «точки опоры» в столичном купечестве.

Согласно следственным показаниям и воспоминаниям Штейнгейля, переданному в них свидетельству Ростовцева, Сапожников был принят в декабристский союз за несколько дней до 14 декабря: ему были открыты существование тайного общества, политические цели и намерения, планы его участников, возникшие в дни междоусарствия 1825 года. Купец оказался одним из участников «акции» Ростовцева, главным «консультантом», с которым обсуждался замысел «демарша» и текст письма к великому князю Николаю. Роль купца в этом эпизоде заговора декабристов, судя по всему, значительна.

О критике социальных порядков и «вольнлюбивых» настроениях в купеческой семье, формировавших взгляды Сапожникова, красноречиво говорит публикация эмигрантской печати 1860-х годов. То обстоятельство, что Сапожников, благодаря прямой связи с «доносом» Ростовцева, избежал ареста и привлечения к следствию, а затем ранняя смерть привели к тому, что его имя как участника декабристского движения было практически забыто, а роль купца-заговорщика в заговоре 1825 года осталась не проясненной в исторической литературе. В настоящей статье впервые в историографии критически изучен весь комплекс источниковых данных о вовлечении купца Сапожникова в тайное общество и заговор декабристов, показаны существенные черты оппозиционных самодержавию взглядов, сформировавшихся в семье Сапожниковых и обусловивших участие одного из представителей этой семьи в декабристском движении, раскрыты причины невнимания официального следствия к показаниям о купце-заговорщике, что повлекло за собой слабую освещенность данного вопроса в научной традиции.

Рассмотренный случай уникален для истории декабристского движения. Привлечение Сапожникова в тайное общество можно оценить как признак особого внимания декабристов к кругу «свободомыслящих» купцов, позволяет говорить о попытках членов декабристского союза в Петербурге распространить свое влияние на купеческую среду. Принадлежность «незамеченного заговорщика» Сапожникова к столичному купечеству имеет немало важное значение для исследователя русского общества начала XIX века. Его присоединение к заговору 1825 года означает, что в просвещенном «элитном слое» внутри купеческого сословия появлялись единомышленники декабристов, готовые принять участие в политической деятельности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...» [А. Д. Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — С. 215—345. — ISBN 5-02-009485-4.
2. Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Сочинения, письма. 1856—1863 / Г. С. Батеньков. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 2015. — Т. 2. — 740 с. — ISBN 978-5-901539-13-2.
3. ВД — *Восстание декабристов. Документы*. — Москва : Наука, 1976. — Т. XIV. — 508 с.
4. ВД — *Восстание декабристов. Документы*. — Москва : Наука, 1986. — Т. XVI. — 400 с.
5. *Донесение Следственной комиссии // Восстание декабристов. Документы*. — Москва : Наука, 1980. — Т. XVII. — С. 24—61.
6. Зиновьев А. З. К биографии В. И. Штейнгейля / А. З. Зиновьев // *Московские ведомости*. — 1862. — 7 окт. — № 218. — С. 4.
7. *Петербургский корреспондент*. Письмо из Петербурга // *Правдолюбивый : [альманах]*. — 1862. — № 7. — С. 52—54.
8. *Ростовцев Я. И.* Из записок 1825—1826 гг. / Я. И. Ростовцев // *Русский архив*. — 1873. — Книга 1. — С. 459—485.
9. *Штейнгейль В. И.* Записки о восстании / В. И. Штейнгейль // *Сочинения и письма. Записки и письма*. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. — Т. 1. — С. 143—180.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Дворяне и графы Ростовцевы. Забытые могилы / А. А. Алексеев. — Санкт-Петербург : Лига плюс, 2001а. — 54 с. — ISBN 5-88663-013-9.
2. *Алексеев А. А.* Портрет реформатора / А. А. Алексеев. — Санкт-Петербург : Лига-плюс, 2001б. — 90 с.
3. *Банников А. П.* Новое о коллекции А. П. Сапожникова / А. П. Банников // *Памятники культуры. Новые открытия*. 2003. — Москва : Наука, 2004. — С. 510—523. — ISBN 5-02-032662-3.
4. *Банников А. П.* Шевченко и Сапожниковы / А. П. Банников. — Оренбург : [б. и.], 1994. — 76 с.
5. *Брегман А. А.* Декабрист Г. С. Батеньков / А. А. Брегман // *Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Письма*. 1813—1856 / Г. С. Батеньков. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1989. — Т. 1. — С. 3—88. — ISBN 5-7424-0037-3.
6. *Гордин Я. А.* Мятёж реформаторов. 14 декабря 1825 года / Я. А. Гордин. — Ленинград : Лениздат, 1989. — 398 с. — ISBN 5-289-00263-4.
7. *Грот Я. К.* Жизнь Державина / Я. К. Грот. — Москва : Алгоритм, 1997. — 685 с. — ISBN 5-88878-009-X.
8. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев / Н. М. Дружинин // *Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в.* — Москва : Наука, 1985. — С. 5—304.

9. Зейфман Н. В. Декабрист В. И. Штейнгейль / Н. В. Зейфман // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Записки и письма. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. — Т. 1. — С. 3—54.
10. Ильин П. В. Между разговором и престолом. Я. И. Ростовцев в событиях междоусобия 1825 г. / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — 300 с. — ISBN 978-5988-7277-8.
11. Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — 664 с. — ISBN 5-98187-034-6.
12. Канатьева Н. С. Астраханское старообрядчество и сектантство XIX в. В культурном контексте губернии / Н. С. Канатьева. — Астрахань : Изд. Сорокин, 2013. — 150 с. — ISBN 978-5-91910-232-8.
13. Канатьева Н. С. Старообрядческие корни семьи Сапожниковых / Н. С. Канатьева // Перекрестки истории : актуальные проблемы исторической науки : мат-лы всерос. науч. конф. — Астрахань : Изд. Астраханского ун-та, 2007. — С. 95—98. — ISBN 978-5-9926-0008-7.
14. Кузнецов В. В. Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII — первой половине XIX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / В. В. Кузнецов. — Саратов, 2007. — 24 с.
15. Марков А. С. «Братья Сапожниковы». Иллюстрированное документальное повествование / А. С. Марков. — Астрахань : ИПК «Волга», 2007. — 322 с. — ISBN 978-5-98066-055-0.
16. Марков А. С. Один из друзей декабристов / Н. С. Марков // Волга (Астрахань). — 21.08.1986. — С. 4.
17. Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года / М. В. Нечкина. — Москва : Мысль, 1985 (3-е изд.). — 256 с.
18. Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками / Р. В. Овчинников. — Москва : Изд. Инст. рос. истории РАН, 1995. — 272 с. — ISBN 5-201-00579-9.
19. Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года / А. Е. Пресняков. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. — 226 с.
20. Семенова А. В. Декабристы и купечество (к проблеме «Дворянские революционеры и русская буржуазия») / А. В. Семенова // Город и горожане в России в XVII — первой половине XIX в. : Сб. ст. — Москва : Изд. Инст. истории СССР АН СССР, 1991. — С. 183—204. — ISBN 5-201-00559-4.
21. Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае : опыт исследования по неизданным материалам / Н. С. Соколов. — Саратов : Тип. Н. П. Штерцер и К., 1888. — 512 с.
22. Столетие Военного министерства. Имп. Гл. квартира. История государственой Свиты. Царствование Николая I. — Санкт-Петербург : Тип. М. О. Вольф, 1908. — Т. 2. — Книга 3. — 632 с.
23. Шахеров В. П. Декабрист В. И. Штейнгейль и его творческое наследие / В. П. Шахеров // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Записки и статьи / В. И. Штейнгейль. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. — Т. 2. — С. 3—61. — ISBN 5-7424-0348-8.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

- “Alphabet to members of former malicious secret societies and persons involved in the case...”
[A. D. Borovkova]. (1988). In: *The Decembrists. Biographical reference book*. Moscow: Nauka. 215—345. ISBN 5-02-009485-4. (In Russ.).
- Batenkov, G. S. (2015). *Writings and letters. Essays, letters. 1856—1863*, 2. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 740 p. ISBN 978-5-901539-13-2. (In Russ.).
- Report of the Investigative Commission. (1980). *The Decembrist Uprising. Documents, XVII*. Moscow: Nauka. 24—61. (In Russ.).
- Rostovtsev, Ya. I. (1873). From notes of 1825—1826. *Russian Archive*, 1: 459—485. (In Russ.).
- Shteyngeyl, V. I. (1985). Notes on the uprising. In: *Writings and letters. Notes and letters*, 1. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 143—180. (In Russ.).
- St. Petersburg correspondent. A letter from St. Petersburg. (1862). *Pravdolyubiviy: [almanac]*, 7: 52—54. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XIV*. (1976). Moscow: Nauka. 508 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XVI*. (1986). Moscow: Nauka. 400 p. (In Russ.).
- Zinoviev, A. Z. (1862). On the biography of V. I. Shteyngeyl. *Moscow Vedomosti*, 218. October 7. P. 4. (In Russ.).

References

- Alekseev, A. A. (2001a). *Nobles and counts of Rostovtsev. Forgotten graves*. St. Petersburg: Liga plus. 54 p. ISBN 5-88663-013-9. (In Russ.).
- Alekseev, A. A. (2001b). *Portrait of a reformer*. St. Petersburg: Liga-plus. 90 p. (In Russ.).
- Bannikov, A. P. (2004). New about the collection of A. P. Sapozhnikov. In: *Monuments of culture. New discoveries. 2003*. Moscow: Nauka. 510—523. ISBN 5-02-032662-3. (In Russ.).
- Bannikov, A. P. (1994). *Shevchenko and Sapozhnikov*. Orenburg: [b. i.]. 76 p. (In Russ.).
- Bregman, A. A. (1989). Decembrist G. S. Batenkov. In: *Writings and letters. Letters. 1813—1856*, 1. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 3—88. ISBN 5-7424-0037-3. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1985). The Decembrist Nikita Muravyov. In: *Selected works. The revolutionary movement in Russia in the XIX century*. Moscow: Nauka. 5—304. (In Russ.).
- Gordin, Ya. A. (1989). *Rebellion of reformers. December 14, 1825*. Leningrad: Lenizdat. 398 p. ISBN 5-289-00263-4. (In Russ.).
- Grotto, Ya. K. (1997). *Life of Derzhavin*. Moscow: Algorithm. 685 p. ISBN 5-88878-009-X. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2008). *Between the conspiracy and the throne. Ya. I. Rostovtsev in the events of the interregnum of 1825*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 300 p. ISBN 978-5988-7277-8. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2004). *New about the Decembrists. Forgiven, acquitted and undetected by the investigation participants in secret societies and military actions of 1825—1826*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 664 p. ISBN 5-98187-034-6. (In Russ.).
- Kanatieva, N. S. (2007). The Old Believer roots of the Sapozhnikov family. In: *Crossroads of history: actual problems of historical science: materials of the All-Russian Scientific Conference*. Astrakhan: Astrakhan University. 95—98. ISBN 978-5-9926-0008-7. (In Russ.).
- Kanatieva, N. S. (2013). *Astrakhan Old Believers and sectarianism of the XIX century. In the cultural context of the province*. Astrakhan: Sorokin. 150 p. ISBN 978-5-91910-232-8. (In Russ.).

- Kuznetsov, V. V. (2007). *Merchants of the small Volga cities of Saratov province at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 24 p. (In Russ.).
- Markov, A. S. (2007). "The Sapozhnikov Brothers". *Illustrated documentary narrative*. Astrakhan: IPK Volga. 322 p. ISBN 978-5-98066-055-0. (In Russ.).
- Markov, A. S. (1986). One of the friends of the Decembrists. *Volga (Astrakhan)*. 08/21. P. 4. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1985). *Day of December 14, 1825*. Moscow: Mysl. 256 p. (In Russ.).
- Ovchinnikov, R. V. (1995). *Investigation and trial of E. I. Pugachev and his associates*. Moscow: Ed. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 272 p. ISBN 5-201-00579-9. (In Russ.).
- Presnyakov, A. E. (1926). *December 14, 1825*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 226 p. (In Russ.).
- Semenova, A. V. (1991). Decembrists and merchants (on the problem of "Noble revolutionaries and the Russian bourgeoisie"). In: *The city and the townspeople in Russia in the XVII — first half of the XIX century: Collection of articles*. Moscow: Ed. Inst. Histories of the USSR, USSR Academy of Sciences. 183—204. ISBN 5-201-00559-4. (In Russ.).
- Shakherov, V. P. (1992). Dekabrist V. I. Shteyngeyl and his creative legacy. In: *Shteyngeyl V. I. Writings and letters. Notes and articles, 2*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 3—61. ISBN 5-7424-0348-8. (In Russ.).
- Sokolov, N. S. (1888). *Split in the Saratov Region: research experience on unpublished materials*. Saratov: Type. N. P. Shterzer and K. 512 p. (In Russ.).
- The centenary of the War Ministry. (1908). *Imp. Gl. apartment. The history of the sovereign's Retinue. The reign of Nicholas I, 2 (3)*. St. Petersburg: M. O. Wolf Type. 632 p. (In Russ.).
- Zeifman, N. V. (1985). Decembrist V. I. Shteyngeyl. In: *Writings and letters. Notes and letters, 1*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 3—54. (In Russ.).

*The article was submitted 16.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*